

УДК 07:37(571.5)(091)

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2018.24.46>

Влияние просвещения на формирование сибирской идентичности (на материалах дореволюционной периодической печати)

А. А. Кружалаина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается влияние просвещения на формирование и развитие сибирской идентичности. Автором проведен анализ материалов периодической печати дореволюционной Сибири, а также делопроизводственных материалов архивных фондов Государственного архива Иркутской области. На основе изученных источников делается вывод о воздействии просвещения на становление сибирской идентичности: выделяются факторы, отразившиеся на формировании региональной идентичности; характеризуются особенности данного процесса и его влияние на развитие региона.

Ключевые слова: идентичность, Сибирь, просвещение, общественная мысль, периодическая печать.

Для цитирования: Кружалаина А. А. Влияние просвещения на формирование сибирской идентичности (на материалах дореволюционной периодической печати) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2018. Т. 24. С. 46–57. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2018.24.46>

Особенности формирования Российского государства достаточно рано обозначили проблему взаимодействия Запада и Востока. Развитие российского абсолютизма, стремительное продвижение государства на восток поставили вопрос о соотношении западного и восточного начал в русском историческом процессе. Особое место в подобного рода дискуссиях было отведено Сибири, на просторах которой под влиянием имперского регионализма [13] в условиях взаимодействия двух социокультурных и политических традиций (европейской и азиатской) складывался особый тип идентичности. Весьма значимым аспектом консолидации сибирского населения стал вопрос о доступности образования для молодежи региона, а в дальнейшем и о появлении первого сибирского университета.

Целью данной статьи является рассмотрение характерных особенностей формирования сибирской идентичности в молодежной среде дореволюционной России в условиях развития и доступности образования разных уровней.

Вопросы, связанные с формированием, развитием, угасанием и отставанием этноконфессиональной, региональной и других форм идентичности на сегодняшний день входят в число мировых проблем высокой степени важности. Их корни уходят далеко в прошлое, и, чтобы сформировать адекватный взгляд современной общественности на них, необходимо изучить

условия, в которых эти проблемы возникали, и как окружение реагировало на них, являлись ли они на тот момент общественно значимыми.

Начать следует с того, что социальная идентичность с точки зрения социальной психологии есть та часть Я-концепции индивида, которая образуется из осознания личностью своего членства в социальной группе вместе с ценностным и эмоциональным значением, придаваемым этой группе. Региональная идентичность – результат соотнесения личности с регионом проживания, региональным сообществом и социальными группами, вызывающего желание и потребность участвовать в разного рода взаимодействиях в регионе, а также связывать свое настоящее и будущее с развитием данного региона [3; 5].

Таким образом, любые формы идентичности тесно соотнесены с самосознанием, которое в самом общем виде определяется как чувство принадлежности к той или иной группе, выражающееся в самоопределении, то есть отнесении себя к данной группе. Факторов, влияющих на формирование самосознания, множество, и социальное окружение – один из самых значимых. Поэтому так важно изучить не только тот «общественный контекст», в котором формулировались ключевые компоненты этноконфессиональной региональной идентичности сибирского общества, но и то, какой отклик этот процесс находил у современников, ставших одновременно участниками и наблюдателями формирования идентичности.

Основу источниковой базы исследования составляет периодическая печать, а также архивные материалы. Автором проанализированы годовые комплекты подшивок газет «Восточное обозрение» (1882–1900) и «Сибирь» (1875–1887). Кроме того, к исследованию были привлечены делопроизводственные материалы Иркутской городской публичной библиотеки Иркутской городской управы г. Иркутска Иркутской губернии, хранящиеся в фондах Государственного архива Иркутской области.

Рассуждая о соотношении Запада и Востока, корреспондент В. Васильев, чьи соображения были опубликованы в «Восточном обозрении» за 1882 г., указывает на явные отличия этих «двух миров»: «Политическая жизнь запада и востока... до новейшего времени была изолирована... Что касается до производительности, то едва ли её можно отрицать на востоке; кажется, за эту способность свидетельствует само количество народонаселения и происходящая отсюда дешевизна рук... Останутся ли технические знания достоянием одного Запада?.. Япония уже давно с жаром бросилась в омут западной цивилизации; Индия и Сибирь, как мы заметили, давно уже подчинены ей...» [2, с. 3–4]. В подобных условиях автор делает однозначный вывод о том, что именно «умственное превосходство» Востока над Западом в скором будущем недостижимо. «Свет духовный, свет творческий будет долго литься на него с противоположного берега, хотя бы он и усвоил его изобретения своеобразно, и отделял их в деталях. У него не доставало жизненной энергии для того, чтобы поставить на возможную высоту даже то, что зародилось в нём самом!» [Там же, с. 4]. А следовательно, свет просвещения и науки еще долго будет доступен Востоку исключительно с Запада.

Вместе с тем общественность региона настаивала на том, что «Сибирская Русь всегда жила одной жизнью со своей европейской матерью. ... На ней отражались и все влияния, которые переживала европейская Россия. Отражались и успехи цивилизации... Несмотря на то, что цивилизующая деятельность беспрестанно встречалась здесь с противными ей течениями... Были случаи и прямой борьбы против образования» [9, с. 2].

Редакция «Восточного обозрения», возглавляемая в тот момент Н. М. Ядринцевым – видным деятелем сибирского областничества, отмечала, что «Русскому Востоку по его географическому положению и ввиду исторических обстоятельств суждено будет играть не последнюю роль. Судьба русского населения на Востоке и его интересы должны составить главную нашу заботу» [1, с. 5]. Кроме того, именно «гражданское самосознание» провинциального населения должно составить основу исторического процесса в регионе в будущем.

Именно ко второй половине XIX в. современники относят активную фазу формирования «гражданского самосознания» в регионе. Безусловно, этому способствовало развитие прессы, областническое движение, увеличение доли интеллигенции в регионе. В этот период сибиряки придавали большое значение доступности и развитию просвещения для молодежи региона. Сохранились многочисленные свидетельства попыток оказать финансовое содействие учащейся молодежи как в Сибири, так и в университетах европейской части России.

В «Восточном обозрении» за 1881 г. приводятся интересные сведения об учащихся сибиряках в высших учебных заведениях Петербурга: «В высших и специальных заведениях учатся их 77, в том числе в университете - 14, в медицинской академии 23 ... Сибирячек на высших курсах обучается 23. По собранным сведениям, из 95 учащихся сибиряков 24 лица совершенно не обеспечены в своем существовании. Другие, большинство, получают от 12 до 30 р. в месяц и не многие более. Нужды и бедствия учащихся, приезжающих с дальнего Востока, вызвали мысль создать в Петербурге “Общество для вспомоществования учащимся сибирякам”, которое должно состоять из лиц, кому дорога по воспоминаниям эта окраина» [7, с. 8].

Не менее значимым в эту эпоху представлялось и содействие развитию образования непосредственно в регионе. Данные о деятельности Общества для оказания пособия учащимся Восточной Сибири за 1881 г. свидетельствуют о том, что «основной капитал общества составляет 36,550 р. Пособие же роздано на 5026 р. 90 к. 107 лицам, именно: 12 в высших учебных заведениях 1740 р. = 34,7 %, 56 в средних учебных заведениях 2273 р. 21 к. – 45,3 % и 39 в низших учебных заведениях – 1013 р. 60 к. = 20 %. Между низшими и средними учебными заведениями по числу получивших пособие занимают первое место женская прогимназия (26 чел.) и женская гимназия (35 чел.), и выданная им сумма 1503 р. 9 к. составляет почти половину всего расхода на среднее и низшее образование (3286 р. 90 к.) По местностям, пособия даны 84 лицам в Иркутске на 3009 р. 9 к., 9-ти в Якутске на 87 р. 81 к., 8-ми в С.-Петербурге на 1170 р., 3-м в Москве на 480 р., 2-м в Красноярске

на 190 р. и 1-му в Казани на 90 р. Таким образом, живущая в Иркутске учащаяся молодежь получает 3/5 всего расходного бюджета. Приводимое в отчете объяснение этого факта – возвышение цен после пожара и еще то обстоятельство, что в числе обучающихся в иркутских заведениях есть много прибывающих из других местностей восточной Сибири – едва ли может быть принято за вполне достаточную причину» [4].

При этом, согласно статистике за 1888 г., в 17 школах Иркутска обучалось около 900 детей, в двух училищах – 362 человека. Из числа подопечных училищ – 84,2 % православные, 2,2 % – католики, 13 % – евреи. Дворяне, чиновники составляли 14 %, городские сословия – 63 %, крестьяне – 13 %, остальные сословия – 10 % [8, с. 10]. Данный факт иллюстрирует преимущественный, устойчивый интерес городских жителей к делу просвещения. Именно городская среда способствовала росту эффективности образования, а также распространению актуальных общественно-политических идей (в том числе среди молодежи), возбуждающих интерес к проблемам самоидентификации сибирского населения.

Представители регионального общественного управления наравне со всей интеллигенцией региона придавали большое значение развитию просвещения как неотъемлемому фактору формирования гражданского самосознания жителей сибирской окраины. Так, корреспондент «Восточного обозрения» справедливо отмечал, что, «рассматривая участие наших городов и дум в последнее время, оказавших серьезную поддержку в развитии городских школ, что видно уже по их бюджетам, а также деятельности обществ вспомоществования начальному образованию, которые существуют в Томске, Барнауле, Енисейске, наконец, видно, какое участие принимает в школьном деле иркутское общественное управление, мы имеем право остановиться на этом явлении, как на самом светлом явлении нашей жизни, где выразилось ясно самосознание общества, его самостоятельность и известный рост гражданского развития» [8, с. 11].

Сибирская общественность была заинтересована в подготовке квалифицированных кадров для нужд региона. Было важно, чтобы сибирская молодежь не потеряла связи с малой родиной, а по завершении курса обучения (если он слушался в европейской части России) вернулась в провинцию. Финансовая поддержка, разумеется, становилась дополнительным стимулом к получению высшего образования как в европейской части России, так и в провинциальной Сибири. Не меньшую роль в стимуляции к получению образования сибиряками играло и желание повысить культурный уровень региона, поспособствовать развитию и распространению науки и просвещения на благо сибирской общественности, повлиять на восприятие сибирского населения и быта российской общественностью.

Эти стремления нашли отражение в обсуждаемой на страницах «Сибири» школьной программе. Сибирская общественность смотрела на дело просвещения юношества «не по казённому только», а «главным образом со сто-

роны умственного, нравственного и физического развития воспитанников»¹. Городской голова Иркутска В. П. Сукачѳв, выступая на Акте городских школ Иркутска в 1888 г., отмечал, что «заботы о начальном образовании не будут напрасны. Они дадут нам сильное орудие для борьбы с невежеством и пороком; благодаря им мы воспитаем разумных и здоровых граждан» [8, с. 11].

Признавая важность образовательного компонента в процессе формирования гражданской идентичности молодежи, сибирские издания отмечали, что «умственное и нравственное развитие детей подчеркивается более всего из чтения классических авторов, как русских, так и иностранных, а также и из учительских бесед»². Однако наполнение школьных библиотек оставалось не более чем удовлетворительным. Зато посетители публичной библиотеки, вне всякого сомнения, были обеспечены многими уникальными, если не сказать раритетными, изданиями того времени.

Жители отдаленной российской окраины – Сибири, несмотря на особенности географического положения, всегда активно интересовались общественно-политической жизнью страны, находили и обсуждали информацию о произошедших в столичном регионе важных событиях. Но бурному росту политической активности сибиряков мешал низкий уровень образования. По данным переписи 1897 г., лишь 9,6 % жителей региона были грамотными, а имеющими образование выше начального – 0,8 % [10, с. 258]. В результате чего именно интеллигенция и часть представителей средних городских слоев становились главными субъектами общественно-политической жизни.

Стремление образованной интеллигенции (многие из представителей которой были переселены из столичного региона в Сибирь поневоле) получить достоверную информацию об общественно-политической жизни в России способствовало распространению в регионе столичных газет и журналов, а также нелегальных периодических изданий, активно публикуемых в тот период в России, а большей частью – за границей.

Население сибирских городов знакомилось со столичными газетами и журналами, а также с зарубежной периодикой. Информация, приведенная Б. Г. Кубаловым, показывает, что в 1859 г. иркутяне выписывали 70 русских газет и журналов в количестве 579 экземпляров и 39 иностранных периодических изданий. Весьма популярен был в Иркутске и «Современник», о чем писал в середине 50-х гг. Чернышевский [6, с. 7]. Последний объяснял усиленный интерес сибиряков к «Современнику» тем, что регион «издавна пользуется славой, что стоит в умственном отношении выше Европейской России...» [15, с. 454–479]. Знакомясь таким образом с идеями Чернышевского, Добролюбова и других прогрессивных мыслителей, сибиряки живо интересовались и голосом «с того берега», наиболее активным выразителем которого был А. И. Герцен (его читатели знали под псевдонимом Искандер).

Приведем данные Иркутской губернской библиотеки, которые свидетельствуют о стабильном, даже возрастающем, интересе иркутян к передо-

¹ Сибирь. 1882. № 46. С. 4.

² Там же.

вым столичным изданиям той эпохи. Например, читательская активность за 1880 г.³ характеризуется следующими показателями: наибольшей популярностью пользовались такие издания, как «Дело» (842 читательских требования), «Отечественные записки» (516), «Вестник Европы» (463), «Русский вестник» (358), «Слово» (288). Незначительно изменился читательский спрос и в 1885–1886 гг.⁴ Так, свое предпочтение читатели вновь отдали «Русской мысли» (756), «Русскому вестнику» (665) и «Вестнику Европы» (644 требования). Вплоть до конца XIX в. столичные журналы и газеты с интересом читались сибирской общественностью. Проблемы и вопросы, поставленные выдающимися мыслителями Центральной России, вызвали постоянный живой отклик у сибиряков. К концу XIX столетия передовые столичные издания не только не утратили своей актуальности в глазах читающей сибирской публики, но наоборот, на примере Иркутска можно наблюдать устойчивый рост читательской активности. По имеющимся у автора данным за 1899 г.⁵, максимальное число читательских требований было подано на «Русскую мысль» (3103), «Вестник Европы» (2391), «Русское богатство» (1967), «Исторический вестник» (1867), «Наблюдателя» (1246), а также «Стрекозу» (825), «Русскую старину» (795) и «Северный вестник» (606). Существенно, что круг читателей не ограничивался дворянами и купцами. Так, на самое популярное издание, «Русская мысль», больше всего было подано читательских требований от чиновников (604 муж. и 425 жен.) и мещан (390 муж. и 170 жен.). Посетители библиотеки дворянского происхождения преимущественно интересовались «Русской мыслью» (332 муж. и 194 жен.) и «Стрекозой» (251 муж. и 78 жен.). Чиновничество отдавало свое предпочтение «Русской мысли» (604 муж. и 425 жен.), «Русскому богатству» (375 муж. и 182 жен.) и «Наблюдателю» (265 муж. и 187 жен.). Мещане с большим интересом читали «Русское богатство» (429 муж. и 204 жен.), «Вестник Европы» (434 муж. и 130 жен.), «Русскую мысль» (390 муж. и 170 жен.) и «Исторический вестник» (363 муж. и 45 жен.). У военных максимальной популярностью пользовалась «Русская мысль» (157 муж. и 58 жен.), а также «Русское богатство» (35 муж. и 70 жен.) и «Вестник Европы» (48 муж. и 50 жен.). Разночинцы в 1899 г. читали преимущественно «Русскую мысль» (104 муж. и 90 жен.) и «Русское богатство» (170 муж. и 12 жен.).

Таким образом, статистические данные объективно подтверждают, что к концу XIX столетия наиболее читаемыми у сибирской общественности были столичные издания: «Русская мысль», «Вестник Европы» и «Русское богатство»; те журналы, в которых активно обсуждались актуальные общественно-политические и социальные проблемы современности. Это позволяет говорить о том, что интерес к проблемам, освещаемым в столичных изданиях, проявляли представители различных социальных групп: дворяне, купцы, мещане, чиновники и военные, разночинцы и крестьяне. Исходя из вышесказанного, можно сделать вполне логичный вывод, что проблемы

³ ГАИО. Ф. 446. Оп. 1. Д. 7. Л. 20–21.

⁴ Там же. Д. 11. Л. 17.

⁵ Там же. Д. 32. Л. 13–15.

эпохи, транслируемые столичными периодическими изданиями, вызывали существенный, а главное, устойчивый интерес у сибиряков и, как следствие, способствовали актуализации обсуждения проблемы формирования гражданского самосознания и сибирской идентичности.

Важнейшим в деле развития просвещения в Сибири долгое время оставался вопрос об университете. «Постепенно развивалась общественная самодеятельность. Местное общество начинало осознавать себя, заявлять свои недостатки и нужды. Его единодушный голос вызвал возникновение в Сибири университета. С большей и большей энергией оно заботится о расширении средств к народному образованию» [9, с. 2].

Во второй половине XIX в. сибиряки «впервые серьезно заговорили о Сибири, о необходимости развития ее материальных и интеллектуальных сил; впервые смотрим на неё не как на рог изобилия, долженствующий заливать на нас свои дары, а как на страну, имеющую право рассчитывать на своё самобытное развитие, как на равноправного со всеми другими членами русского государственного тела». Таким образом, именно сибирский университет «должен послужить, с одной стороны, залогом этому самобытному развитию, а с другой, должен ввести этот край в постоянное живое единение со всею Россией, которая должна наконец признать его своею составною, а не служебною частью; страна русских преступников должна преобразиться в страну русских граждан»⁶.

В разразившейся бурной дискуссии вокруг первого сибирского университета региональная пресса принимала активное участие, неуклонно возбуждая интерес сибирской общественности к данной проблеме. «Сибирское общество с особенно напряжённым вниманием ждало разрешения своей участи». В те периоды, когда вопрос об университете замалчивался в министерских коридорах, региональная общественность особенно волнительно реагировала на происходящее. В подобных условиях сибирская пресса считала своей важной задачей развеивать сомнительные слухи и успокаивать общественность. Газета «Сибирь» за 1877 г. сообщает: «Нам пишут из Петербурга, что некоторые горячо ожидаемые учреждения, как Сибирской университет, не только не попали на очередь, в виду тревожных событий, но и отложены до времени, как и другие реформы, касающиеся Сибири. Мы считаем себя обязанными успокоить несколько опасения нашего общества и поддержать в нём силы, как и веру в то, что задачи нашего края и внутренних реформ не будут забыты правительством» [12].

Логическая развязка наступила спустя год. В мае 1878 г. было обнародовано постановление Государственного совета Российской империи. Намерение правительства нашло широкую поддержку у крупных русских промышленников. Так, первым жертвователем выступил П. Г. Демидов (первоначальный взнос в 100 тыс. руб. ко дню закладки университета с приростом банковских процентов достиг 182 тыс. руб.). Крупнейшие взносы сделали А. М. Сибиряков – 200 тыс. руб., З. М. Цибульский – 140 тыс. руб.

⁶ Голос. 1877. № 125. С. 5.

(еще 18 тыс. руб. на стипендии студентам). Остальные вклады были значительно меньше – 30 тыс. руб. от Томской городской думы, 10 тыс. руб. от коммерции советника А. К. Трапезникова (жившего в Москве), 3 тыс. руб. от барнаульского купца Д. Н. Сухова, 2500 руб. от московского купца В. Н. Сабашникова, по 1000 руб. от бийского купца А. В. Соколова, Я. А. Немчинова, мещанина Кулакова из Кяхты; при закладке университета городскими обществами Барнаульским, Бийским, Семипалатинским и Минусинским было пожертвовано по 1000 руб., размер остальных вкладов был менее 1000 руб.

Однако недостаток финансирования сказывался на скорости открытия первого высшего учебного заведения в Сибири. Университет был заложен 26 августа 1880 г. и открыт 22 июля 1888 г. в г. Томске, в нем был пока один факультет – медицинский, который возглавил А. С. Догель. Занятия начались 13 сентября 1888 года лекцией профессора С. И. Коржинского «Что такое жизнь». Второй факультет университета – юридический был открыт только в 1898 год.

Вся российская общественность горячо приветствовала открытие университета. «Восточное обозрение» неоднократно публиковало фрагменты отзывов разных общественных деятелей империи по вопросу сибирского университета. Приведем те из них, которые подтверждают нашу точку зрения о направляющей роли Томского университета в деле формирования уровня культуры местного населения, сибирской идентичности и гражданского самосознания у молодежи региона.

«Независимо уже от общего университетского образования, сколько честных убеждений, новых благородных требований от жизни, сколько широкой гуманности, высших интересов и здравого смысла постепенно и незаметно внесет этот университет в те глухие углы Сибири, в те семьи, где до сих пор царит одно грубое самодовольное невежество, эгоизм, полнейшая обособленность от всего мира, кулачество, апатия... Открытие первого университета – ведь это начало для огромной страны целой новой эры, с которой позднейшие, уже просвещенные поколения будут считать свой умственный и нравственный рост».

«Университет не есть только учебное заведение, которое выпускает из своих стен тех или иных специалистов. Университет, по своей идее, должен одухотворять мертвую жизнь того края, в котором он основан; он должен объединять интеллигентные силы страны, беспрестанно напоминая им об идеалах и задачах прогресса».

Региону «требовались люди, нужны были честные образованные исполнители закона. Но где их взять? Лучшая местная молодежь, пройдя гимназии, уезжала в университеты Европейской России и редко возвращалась в свой родной край. Чиновники для занятия должностей вызывались из России, и ехал в Сибирь канцелярский люд, побуждаемый к тому или недостатком материальных средств, или просто неприятностями с начальством у себя дома. На Сибирь они смотрели как на золотое дно – и только. Таким образом, Сибирь на пути к полному преобразованию своего управления и те-

перь более, чем прежде, нуждается в честных, энергичных, образованных деятелях, как на поприще администрации, так и во всех сферах промышленной и экономической жизни края. Императорский томский университет даст их» [11].

Резюмируя все торжественные отзывы по случаю открытия Томского университета, «Восточное обозрение» заключает, что «со своей стороны наши земляки и те, которые боролись за идею сибирского университета, с тем большей гордостью могут сказать теперь, что то, что мы завоевывали, не являлось эфемерным расчётом, легкомысленным пустым желанием, но было жизненной потребностью края, исторической необходимостью, *modus vivendi* и лучшим гражданским стремлением века, которому мы только могли послужить своими силами» [Там же]. Таким образом, и сама идея открытия сибирского университета, не говоря уже о его назначении и дальнейшем влиянии на региональную общественность, стимулировала рост гражданского самосознания и единение жителей региона в борьбе за университет. А тот факт, что эта идея, пройдя долгий путь, нашла поддержку властей в министерстве просвещения, воспринимался сибирской общественностью как свидетельство живого интереса правительства Российской империи к русскому населению Сибири, «в интересах гражданственности, государственности и успешного роста русских окраин».

Цивилизация проникала на сибирскую почву не одним только школьным и университетским путем. «Она шла сюда разнородными путями и не из одной России. В лучших своих представителях ее вносили сюда и правители Сибири, и её иерархи, и ученые путешественники, и скромные местные труженики науки, и педагоги, и лондонские миссионеры на Селенге, и пленные шведы в Тобольске, и ссыльные декабристы и поляки» [Там же, с. 2].

Постепенно к делу просвещения приобщались и представители инородческого населения. «Инородцы выказывали замечательную восприимчивость к образованию... Из числа инородцев уже выдел[лись] европейски образованные люди. Но все это пока ещё только исключения» [Там же].

Сибирское население формировалось уникальным способом смешения коренного и пришлого элементов. Особый тип самоидентификации, возникший в результате как «цивилизаторской миссии» пришлого населения западной части империи, так и из-за воздействия традиций, социальных установок и, наконец, физиологических данных представителей коренных народов Сибири, свидетельствует о сложном многоуровневом воздействии коренного и «навозного» населения друг на друга. Частые социально-бытовые контакты, совместная общественно-политическая деятельность, публикационная активность на страницах региональной прессы – все это, безусловно, интенсифицировало процесс формирования сибирской идентичности. Одним из ключевых факторов воздействия в данном перечне также следует считать пропаганду и развитие просвещения в Сибири.

Вышеизложенное позволяет сделать ряд выводов, характеризующих влияние развития просвещения на формирование сибирской идентичности:

– развитие периодической печати и газетного дела в Сибири способствовало актуализации социально-политических проблем окраины и импе-

рии в целом, давало почву для обсуждения проблемы формирования гражданской идентичности в регионе;

– активное содействие сибирской общественности делу просвещения в регионе свидетельствует о важности не только подготовки грамотных и квалифицированных специалистов для нужд региона, но и формирования активной гражданской позиции у молодежи;

– общее число сибирских студентов, обучавшихся ежегодно в университетах Европейской России, не превышало 100 человек, они были не лучшим образом финансово обеспечены, в результате чего сибирские благотворители оказывали им посильную финансовую помощь, целью которой была не просто имущественная поддержка земляков в период обучения, но и содействие их возвращению в регион по окончании курса;

– одним из наиболее остро стоящих на пути активного формирования сибирской идентичности был вопрос о сибирском университете, создание которого должно было значительно облегчить проникновение «света просвещения» и «цивилизации» в край, усилить консолидацию сибирского населения с позиции гражданственности;

– региональная пресса характеризовала сибирскую идентичность как специфическую модель, возникшую на основе взаимовлияния коренного населения и пришлых «цивилизаторов», в результате чего прилагала немалые усилия в содействии развитию образования для сибиряков разного социального и этноконфессионального происхождения, в том числе инородцев.

Таким образом, изученные материалы подтверждают предположение о том, что процессы консолидации сибирского населения в единое мультикультурное и поликонфессиональное сообщество, развивающиеся в последней четверти XIX в. с особой силой, испытывали устойчивое стимулирующее воздействие со стороны сферы образования и просвещения, ввиду того что последнее, по свидетельству «Сибирской газеты» за 1888 г., «за последние 25 лет, считая с 60-х гг., сделало, говоря абсолютно, значительный шаг вперед, а в сравнении с прошлым, – даже громадный» [14, с. 12].

Список литературы

1. 1 апреля 1882 г. // Вост. обозрение. 1882. № 1. С. 5–6.
2. Васильев В. Восток и Запад // Вост. обозрение. 1882. № 1. С. 2–5.
3. Киселев И. Ю., Смирнова А. Г. Формирование идентичности в российской провинции. М. ; Ярославль : ИП РАН, 2001. 152 с.
4. Краткое обозрение // Сибирь. 1882. № 9. С. 7.
5. Кружалина А. А. Национальный фактор в формировании сибирской идентичности: национализм vs провинциализм (на материалах периодической печати второй половины XIX в.) // Реальность этноса. Роль образования, культуры и литературы в формировании российской гражданской идентичности : сб. ст. по материалам XVII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию Ин-та народов Севера Герценов. ун-та. (Санкт-Петербург, 10–12 нояб. 2015 г.) / под науч. ред. И. Л. Набока. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2016. С. 87–93.
6. Кубалов Б. Г. А. И. Герцен и общественность Сибири (1855–1862). Иркутск, 1958. 162 с.
7. Местная хроника // Вост. обозрение. 1882. № 3. С. 7–8.
8. Н. Акт городских школ Иркутска // Вост. обозрение. 1888. № 35. С. 10–11.

9. Накануне юбилея // Сибирь. 1882. № 49. С. 1–3.
10. Общий свод по империи. СПб. : [б. и.], 1905. Т. 2. С. 258.
11. Пожелания сибирскому университету от русской печати // Вост. обозрение. 1888. № 34. С. 1–3.
12. Сибирские реформы и восточный вопрос // Сибирь. 1877. № 4. С. 1.
13. Сибирь в империи – империя в Сибири : имперские процессы на окраинах России в XVII – начале XX в. : сб. науч. ст. Иркутск : Оттиск, 2013. 320 с.
14. Ход просвещения в Сибири // Сиб. газ. 1888. № 55. С. 6–14.
15. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1950. Т. 5. 638 с.

Impact of Education on the Formation of Siberian Identity (Based on the Materials of Pre-Revolutionary Periodicals)

A. A. Kruzhalina

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. This article considers impact of education on the formation and development of Siberian identity. The author analyzes materials of the periodical press of pre-revolutionary Siberia and records of the archival funds of the Irkutsk Region State Archive. On the basis of the sources studied, the author concludes about the impact of education on the development of Siberian identity: identifies factors that influenced on the formation of regional identity; describes features of this process and its impact on the development of the region.

Keywords: identity, Siberia, education, public opinion, periodicals.

For citation: Kruzhalina A.A. Impact of Education on the Formation of Siberian Identity (Based on the Materials of Pre-Revolutionary Periodicals). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2018, vol. 24, pp.46-57. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2018.24.46> (in Russian)

References

1. 1 aprelya 1882 g [April 1, 1882]. *Vostochnoe obozrenie* [Eastern Review], 1882, no. 1, pp. 5-6. (in Russian)
2. Vasiliev V. Vostok i Zapad [East and West]. *Vostochnoe obozrenie* [Eastern Review], 1882, no. 1, pp. 2-5. (in Russian)
3. Kiselev I.Yu. Smirnova A.G. *Formirovanie identichnosti v rossiiskoi provintsii* [Shaping identity in the Russian province]. Yaroslavl, IP RAS Publ., 2001, p. 152. (in Russian)
4. Kratkoe obozrenie [Short review]. *Sibir* [Siberia], 1882, no. 9, pp. 7. (in Russian)
5. Kruzhalina A.A. Natsionalnyi faktor v formirovanii sibirskoi identichnosti: natsionalizm vs provintsionalizm (na materialakh periodicheskoi pečati vtoroi poloviny XIX veka) [Influence of national factor on the formation of Siberian identity: nationalism vs provincialism (based on the materials of periodicals of the second half of the XIXth century)]. *Realnost etnosa. Rol obrazovaniya, kultury i literatury v formirovanii rossiiskoi grazhdanskoj identichnosti: Sbornik statei po materialam XVII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 85-letiyu Instituta narodov Severa Gertsenovskogo universiteta. Sankt-Peterburg, 10-12 noyabrya 2015 g.* [Reality of ethnos. Impact of education, culture and literature on formation of Russian civil identity: Collection of articles on the materials of the XVIIth International Research and Practical Conference, dedicated to the 85th anniversary of the Institute of Peoples of the North, Herzen University. St. Petersburg, November 10-12, 2015]. St. Petersburg, Herzen RSPU Publ., 2016, pp. 87-93. (in Russian)
6. Kubalov B.G. *A. I. Gertsen i obshchestvennost Sibiri (1855-1862)* [A.A. Herzen and society of Siberia (1855-1862)]. Irkutsk, 1958, 162 p. (in Russian)

7. Mestnaya khronika [Local Chronicles]. *Vostochnoe obozrenie* [Eastern Review], 1882, no. 3, pp. 7-8. (in Russian)
8. N. Akt gorodskikh shkol Irkutsk [Act of Irkutsk schools]. *Vostochnoe obozrenie* [Eastern Review], 1888, no. 35, pp. 10-11. (in Russian)
9. Nakanune yubileya [On the eve of the anniversary]. *Sibir* [Siberia], 1882, no. 49, pp. 1-3. (in Russian)
10. *Obshchii svod po imperii* [Code of laws for Siberia]. St. Petersburg, 1905, vol. 2, pp. 258. (in Russian)
11. Pozhelaniya sibirskomu universitetu ot russkoi pechati [Wishes to the Siberian university from the Russian press]. *Vostochnoe obozrenie* [Eastern Review], 1888, no. 34, pp. 1-3. (in Russian)
12. Sibirskie reformy i vostochnyi vopros [Siberian reforms and the Eastern Question]. *Sibir* [Siberia], 1877, no. 4, pp. 1. (in Russian)
13. *Sibir v imperii – imperiya v Sibiri : imperskie protsessy na okrainakh Rossii v XVII – nachale XX vv. : sbornik nauch. statei* [Siberia in the Empire - the Empire in Siberia: the imperial processes in the peripheries of Russia in the XVII - early XX centuries.]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2013, 320 p. (in Russian)
14. Khod prosveshcheniya v Sibiri [Enlightenment process in Siberia]. *Sibirskaya gazeta* [Siberian Newspaper], 1888, no. 55, pp. 6-14. (in Russian)
15. Chernyshevskii N. G. *Poln. sobr. soch.* [Collected works]. Moscow, State Publishing House of literature, 1950, vol. 5, 638 p. (in Russian)

Кружалина Анастасия Алексеевна
 кандидат исторических наук, доцент,
 кафедра истории России
 Иркутский государственный университет
 Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
 тел.: 8(3952) 24-38-75
 e-mail: kliokrua@yandex.ru

Kruzhalina Anastasiya Alekseevna
 Candidate of Sciences (History), Associate
 Professor, Department of Russian History
 Irkutsk State University
 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
 Russian Federation
 tel.: 8(3952) 24-38-75
 e-mail: kliokrua@yandex.ru